

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕОНИД
КОРКОДИНОВ

ШМЕЛЬ
В КОРОБОЧКЕ

СБОРНИК РАССКАЗОВ ДЛЯ
ДЕТЕЙ

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-053
ББК 83.8
К66

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Коркодинов Протоиерей Леонид
К66 Шмель в коробочке : Сборник рассказов для
детей / Протоиерей Леонид Коркодинов. — [б. м.] :
Издательские решения, 2021. — 80 с.
ISBN 978-5-4498-5458-2

На страницах этого небольшого сборника батюшка делится приключениями, которые произошли с ним самим и с его друзьями, когда он был ещё ребёнком. В книгу вошло восемь историй, рассказанных от лица главного героя — мальчика Вани. Ваня узнаёт о том, что такое дружба, честность, милосердие, любовь, настоящая радость. Книга будет интересна школьникам начальных классов, воспитателям и учителям, а также родителям, ищущим для детей полезное чтение.

УДК 82-053
ББК 83.8

⓪+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Протоиерей Леонид Коркодинов, 2021
ISBN 978-5-4498-5458-2 © Максим Багдасаров, иллюстрации, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой друг! Ты держишь в руках книжку, которую написал православный священник. Наверное, тебе может прийти в голову, что священники, как и все остальные взрослые, серьёзные и скучные люди, и поэтому пишут такие же скучные книжки. Ведь взрослые, вечно окружённые проблемами и заботами, просто не умеют думать, как дети и знать, что им надо! Дружок, ты совершенно прав: часто люди, когда вырастают, забывают, что были когда-то детьми. Открою тебе небольшой секрет: взрослые просто скрывают от себя и других, что в душе они всё же немножко остаются детьми.

Другое дело — детские писатели. Они никогда и ни от кого не скрывали, что продолжают чувствовать в себе детскую душу, продол-

жают жить детскими мечтами, интересами, увлечениями, переживаниями, радостями. Их волнуют детские вопросы и, зная чуть больше, могут научить своих юных читателей многому полезному, что-то важное подсказать, направить в правильную сторону, ободрить, рассмешить, заставить задуматься. Смело задавай свои вопросы, и они с радостью тебе всегда ответят. Но чаще всего писатели делятся знаниями и отвечают на вопросы через свои книги. Читай больше хороших детских книг, и тогда обязательно станешь умным, образованным, культурным, эрудированным человеком, а жизнь твоя наполнится всевозможными яркими красками и незабываемыми эмоциями.

Автора этой небольшой книги постоянно окружают дети. Отец Леонид воспитал четверых своих детей, а также многих мальчишек и девчонок села Усолье Самарской губернии, учащихся воскресной школы при храме в честь Святителя Николая Чудотворца, в котором служит настоятелем уже двадцать лет.

На страницах этого сборника батюшка

поделится с тобой приключениями, которые произошли с ним самим и с его друзьями, когда он был ещё ребёнком. Он так же, как и ты, любил целыми днями играть с друзьями на улице; с ним, как и с тобой, происходили всякие смешные, а порой и грустные моменты. Некоторые сюжеты отец Леонид почерпнул из многочисленных рассказов окружающих его ребят. Ведь у детей всегда столько интересных событий происходит каждый день и каждый час, только успевай записывать.

В этот сборник вошло восемь историй, рассказанных от лица главного героя — мальчика Вани. Ему шесть с половиной лет. Возможно, сколько и тебе сейчас. Каждый рассказ — это открытие в жизни мальчика. Ваня узнаёт о том, что такое дружба, честность, милосердие, любовь, настоящая радость. А с этим сталкивается в жизни каждый человек, независимо от того, мальчик ты или девочка.

Мы будем рады, если ты подружишься с этой книгой и захочешь прочесть другие рассказы отца Леонида Коркодинова.

Автор будет с нетерпением ждать твоего ответа: понравилось ли тебе всё то, чем он от чистого сердца с тобой поделился.

Редактор

ТРОСОВАЯ КАША

**Посвящается моей бабушке
Антонине**

Однажды на завтрак в детском саду нас кормили очень вкусной кашей. Мне так она понравилась, что я сразу, как только доел, пошёл к повару.

— Тётя, — обратился я к поварихе, — а какая каша сегодня была?

— Просовая, — ответила улыбчивая тётя. — Тебе понравилось?

— Ещё как! — ответил я и довольный пошёл к ребятам. «Тросовая, — сказал я вслух, стараясь запомнить название любимившейся каши. — Ух, ты! — я подошёл к окну. —

А с названием каша мне ещё больше стала нравиться!» Мне в ту же минуту представились корабли, матросы и тросы на палубе. «Вот почему они такие сильные! Специальную кашу едят!» — с восторгом от великого открытия подумал я.

Название этой вкусной каши я решил сохранить в секрете, и, когда мама пришла меня забирать, я молчал как партизан.

— Чем вас сегодня кормили? — поинтересовалась мама.

— Как обычно — кашей, — ответил я без особых эмоций.

Через неделю папа отвёз меня на поезде в город, где прошло его детство.

Бабушка встретила меня как долгожданное сокровище. Целовала минут десять, отчего я даже немного устал. Дедушка, с присущей мужчине выдержкой, спокойно меня обнял и посадил себе на колено. От деда всегда пахло табаком, а морщинистые щёки были колючие. В мужской компании мне больше нравилось находиться! Как только мы с папой поужинали с дороги, они с дедом уселись играть в шахматы. Я примостился

рядом. Мой папа был чемпионом по шахматам на своём заводе, но дедушке всё же удалось пару раз поставить папе мат. Наверное, папа с дороги был уставший и невнимательно следил за игрой. Я спросил папу:

— Ты, наверное, спать уже хочешь и поэтому проиграл? — я помнил, что в поезде своё место отец отдал мне, а сам всю долгую дорогу не ложился, ехал и спал сидя.

— Спасибо, сынок, за заботу, — ответил ласково папа. — Просто твой дедушка в детстве учил меня играть! Он у нас мастер!

— Я знаю, что дедушка — мастер, — подхватил я. — Он постоянно всякие штуки мастерит, и я вместе с ним.

Папа с дедушкой рассмеялись.

— Хватит вам полуночничать, — сказала, по-доброму ворча, бабушка. — Я уже постелила вам давно. Спать ложитесь. Утро вечера мудренее.

Когда я лег в свою постель, бабуля пришла ко мне, чтобы поцеловать на ночь.

— Какую тебе на завтрак кашку сварить? — потихоньку спросила она.

— Тросовую, — ответил я.

— Тросовую? — переспросила бабушка.

— Ну, да! Нам в садике давали.

— Что-то не знаю я такой крупы. А ты помнишь, как она выглядит?

— Помню. Желтоватая и очень вкусная!

Бабушка ушла в свою комнату в задумчивости. Уж очень она хотела меня порадовать. Я быстро уснул. Каша мне в эту ночь не снилась, а снились старинные корабли — галеры, сильные и мужественные матросы. В своих могучих руках они сжимали прочные канаты и тросы. Выл ветер. Море бушевало. Корабль бросало, как щепку, но храбрый капитан и моряки не дрогнули и победили стихию.

Когда я проснулся, папа уже успел побриться и надеть чистую рубашку. Я вспомнил про любимую кашу, мигом вскочил, быстро умылся и вместе с папой сел за обеденный стол. Вместо каши бабушка принесла нам на сковороде яичницу с помидорами. Бабушка, наверное, прочитала удивление на моём лице и сказала: «Кашу позже тебе сварю. Мне твоя помощь понадобится!»

Помогать бабушке я всегда был готов. Мы

вместе часто ходили за грибами и за ягодами в лес. Потом сушили все лесные припасы на нитках. Варили варенье. Пекли блины. Выносили мусор к машине всегда в одно и тоже время. Возле подъезда бабушка встречала соседок с мусорными вёдрами и вступала с ними в беседу, а я тем временем бежал на детскую площадку.

— Ваня, вот посмотри, я тут крупу достала — не она? — бабушка расставила на кухонном столе банки с разными крупами.

— Это гречневая, а это рисовая, — я уже много знал круп, но тростовой в сыром виде я до этого не видел. — Бабушка, а ты свари кашу из каждой, я и узнаю.

— Да я и соседку расспросила. Она тоже про такую кашу впервые слышит. Чем вас там в саду кормят?! Ты ничего не путаешь?

— Да я специально у повара спрашивал, — ответил чуть не в слезах я. — Она сказала: тростовая!

— Вот, посмотри — пшено. Не оно? — бабушка уже не знала что и делать.

— Свари, бабуль, — попросил я.

Через двадцать минут каша была готова. Я подцепил кончиком ложки немного и попробовал.

Язык можно было проглотить. Это была она — тросовая каша! Только ещё вкуснее.

Видя моё довольное выражение, бабушка сказала:

— Я молочка и сливочного маслица добавила. Соли достаточно?

— Во! — показал я одобрительный большой палец. — А как ты догадалась? Ведь ты варила пшённую кашу? — поинтересовался я.

— Так пшено часто просом называют! — с улыбкой сказала бабушка. — Вот тебе и «тросовая» каша! — любимая бабушка была довольна не меньше меня. Она положила мне добавки.

— И себе положи нашей любимой каши! — скомандовал по-капитански я.

Бабушка, как матрос, послушалась.

САМЫЙ БЫСТРЫЙ САМОЛЁТ

Летит земля из-под ног, приближаются и удаляются деревья, скамейки и папа. Ветер брызжет теплом по лицу, по голым рукам и ногам, щекочет ступни сквозь дырочки сандалий, раздувает рубашку, как парус. Солнце то спереди, то сзади. Отчего мне так радостно? Я лечу на самолёте! Папа стоит и смотрит на меня с земли. С высоты он кажется таким маленьким, а я, как лётчик, поворачиваю штурвал, и самолёт послушно уходит влево. Выравниваю машину. Снова поворот, и снова. Им нету счёта...

Сегодня выходной день мы проводим в детском парке. После тира, где папа лихо погасил пульками огоньки на свечках, мы пошли к аттракциону с самолётами.

— Полетишь? — спросил меня он.

— Ещё бы, — ответил я.

— Какую выберешь машину? — отец с прищуром посмотрел на меня.

— Пап, ты что? — я удивлённо пожал плечами. — Конечно, вот этот истребитель!

Папа знал, что я именно так отвечу, и мой ответ его радовал. Он специально спросил, чтоб порадоваться за меня. Я часто рисую в альбоме самолёты и воздушные бои. На рисунках наши всегда побеждают, потому что у нас самые быстрые самолёты, а наши лётчики очень любят страну и небо.

Сначала мой тёмно-зелёный истребитель с красными звёздами на крыльях медленно набирал скорость, плавно отрываясь от стартовой площадки. Потом закружилась вместе

с другими всё быстрее и быстрее. Мне представился воздушный бой. Вот я гонюсь за противником, а у меня в пулемётах полный боекомплект. Но я, правда, так ни разу не выстрелил, потому что впереди меня в красном планере за штурвалом сидела девочка, а девочка не может быть врагом. Папа меня учит, что девочек защищать нужно. Я смотрел на её жёлтые волосы, красиво развевающиеся по ветру, и мне подумалось, что она, должно быть, очень смелая, раз села за штурвал. Вела себя она очень спокойно, и в какой-то момент повернула голову в сторону ожидавших нас родителей, кому-то помахала рукой, и на её лице я увидел улыбку. «Лётчицей будет, как и я», — сделал я вывод. Пролетая на следующем вираже, я тоже помахал своему папе, но не увидел, помахал ли он мне в ответ. Со скоростью ветра неслась наша вереница из истребителей, планёров, штурмовиков, а над нами кружилось мирное небо, и папы наши были рядом.

Дедушка мне рассказывал о войне. О том, что много горя и бед принесла она людям. Все папы и старшие братья ушли в сорок

первом году на фронт защищать Родину и ценой своих жизней подарили нам мир! Сейчас этот мир защищают наши солдаты. «Вот скорее бы вырасти и стать военным лётчиком!»

Полёт окончен. Самолёты благополучно приземлились. Выйдя из кабины, я взглядом нашёл свою соседку. Она, шупленькая и хрупкая, ловко сбежала по деревянной лесенке, спускающейся от стартовой площадки, и с разбегу уткнулась в живот своему папе. Я понял, что её папа — офицер. На нём была зелёная рубашка с погонами и такая же зелёная фуражка. На погонах блестели золотые звёзды. «Эх, познакомиться бы!»

— Давай по пирожному? — предложил тут папа.

— Я пока не хочу, — ответил уклончиво я, стараясь не потерять девочку из виду.

— Может, тебя укачало? — предположил он.

Я зачем-то кивнул.

— Ничего, это дело поправимое. Тренироваться надо. Вестибулярный аппарат развивать. Я в армии «солнышко» на турнике

научился крутить. Сперва тоже мутило. Привык. А ты начни с кувырков на земле. А, сынок?

— Хорошо, я попробую, — согласился я. — Папа, а ты хотел в детстве стать военным лётчиком?

— Хотел стать космонавтом, а все космонавты военные летчики.

— А почему не стал, а стал инженером?

— Зрение подвело. У лётчика должно быть отличное здоровье. Сейчас знаешь какие скорости развивают современные самолёты?

— Нет. А какие?

— Сверхзвуковые!

— А это как?

— Скоро покажу, узнаешь сам, на практике, — подмигнул мне он.

— А где такая «практика»? — не понял я значение слова.

— «На практике» — это означает, на своём опыте, сам испытываешь.

«Вот это интересно! — подумал я. — Сам испытаю, что такое сверхзвуковая скорость!» — вырвалось у меня. — А ты не шутишь?

— Какие тут шутки? Подожди немного — и узнаешь, — загадочно ответил он. — Давай пока присядь, а я сбегаю за мороженым.

Я сел на скамейку, а папа умчался в сторону лотка с мороженым. Скорость его мне не показалась сверхзвуковой. Обычная папина скорость. «Интересно, а у звука какая скорость? — стал размышлять я. — Если я сейчас позову папу, через сколько времени он меня услышит? А чего тут думать? — сказал я сам себе и негромко крикнул, но чтоб папа услышал: — Папа! Один, два, три, четыре...» — начал я отсчёт времени.

Папа не оборачивался. «Наверно, скорость звука зависит ещё и от громкости!» — догадался я и крикнул на этот раз намного громче:

— Папа! Раз, два, три!

«Услышал», — обрадовался я, когда папа резко обернулся и чуть не выронил мороженое из рук.

Вернулся он намного быстрее.

— Чего кричишь на весь парк? Напугал! Я и не знаю, что подумать! И кого ты здесь так громко считал? — папины брови от возму-

щения стали похожи на две остроконечных крыши.

— Это я скорость звука измерял. За сколько времени звук долетит до тебя. Пап, ну ты же сам сказал, что я на практике узнаю, что такое сверхзвуковая скорость! — постарался я успокоить отца.

Отец широко улыбнулся и брови его стали ровными и гладкими.

— Сынок, возможно, очень скоро я тебе покажу, что такое сверхзвуковая скорость у самолёта. Они тут часто летают, учебные полёты совершают.

— Ладно, — согласился я и посмотрел в небо. — А вон какой-то маленький самолётик летит.

Папа закинул голову, приложил ладонь ко лбу, сделав её козырьком.

— Так это МиГ-21, сверхзвуковой истребитель! — почти крикнул он. — Мы как раз для таких самолётов двигатель конструировали на нашем заводе. Сейчас ты всё поймёшь! Вот так удача!

Папа радовался самолёту, как дошколёнок новому ранцу. Я пока ничего не пони-

мал.

— Ваня, скажи, вот когда летит «кукурузник», ты слышишь его звук? — обратился ко мне отец.

— Конечно, слышу. Тарахтит, как бульдозер.

— А когда пролетит?

— Звук с ним и улетает, — ответил я, ничего не подозревая.

— А сейчас ты слышишь звук?

— Нет, не слышу, — насторожился я, прислушиваясь.

— Вот! — сказал довольный папа. — Самолёт уж давно над нами пролетел, а звука не слышно. Ничего, сейчас услышишь.

И тут раздался рокот над нашими головами, как рёв десяти львов.

— Вот это да! Вот так скорость! Самолёт улетел, а звук двигателей его догоняет.

— Это и есть сверхзвуковая скорость! Теперь понял?

— На практике узнал!

Парк пустел. Мы сидели с папой на лавочке, разговаривали, смотрели в голубое небо, на растворяющийся белый след от дви-

гателей давно улетевшего самолёта и ели слегка подтаявшее мороженое.

ШМЕЛЬ В КОРОБОЧКЕ

Стоял тёплый весенний день. Наверное, последний день мая, так как на улице уже было по-летнему очень тепло. Солнышко припекало и звало через окна семейного общежития к себе на улицу, чтобы всем живущим окунуться в его тёплые лучи, порадоваться молодой зелёной травке и услышать щебетание птиц.

Я стоял возле подоконника и наблюдал за большим пушистым шмелём, пытавшимся выбраться на волю, не понимая, что это совершенно невозможно сделать, ведь окно ещё с зимы было плотно закрыто на шпингалет. Мне было очень интересно смотреть на этого крылатого, «в полосочку», толстяка. «И как он тут оказался? — думал я. Наверное, через форточку залетел».

Удивительным было ещё то, что я стоял,

совсем не шевелясь, а ведь обычно заставить постоять меня хотя бы минуточку стоило огромного труда. Просто я очень люблю шумные и подвижные игры, особенно бегать на улице с друзьями. Удержать меня в тесной комнате, наверное, только мультиками можно, да и то минут на двадцать. А вот сейчас меня никто не держал, не ворчал на меня и не кричал, а я преспокойно себе стоял. Я просто забыл обо всём на свете. Ведь это вовсе не шмель, а я сам ползал по необъятному простору оконного стекла — то в один угол, то в другой.

Весело было, когда шмель, будто я сам, запускал свои крылья и тяжело, почти как грузовой вертолёт, с жужжанием отрывался от плоскости и с силой ударялся лбом о прозрачную преграду. Я понимал, что «пчёлке» было не больно, но то, что очень досадно — это безусловно!

— Ванюш, ты чего тут стоишь, как фонарный столб? — позвала меня мама.

Я не шевелился. И действительно, я почти что шмель, а тут Ваню зовут какого-то.

— Ва-ня, — повторила мама уже протяж-

нее и настойчивее, как бы по слогам. — Ну, ты меня слышишь? Третий раз мимо прохожу, а ты всё стоишь! И кого ты там в окне увидел, цирк приехал что ли? — мама сама, будто и вправду приехал цирк, с любопытством посмотрела в окно. Моя мама была уже достаточно взрослой, а в душе оставалась молоденькой девчонкой. Бабушка иногда так и говорит, когда мама вдруг ни с того ни с сего начинала петь и кружиться по комнате: «Ты всё такая же девчонка-школьница! Пора бы уже повзрослеть! Двоих сыновей воспитываешь, али забыла?» А мама на эти бабушкины слова только ещё быстрее начинала кружиться уже вместе с нами, весело и задорно смеясь.

Я очень люблю свою маму и готов отдать ей всё-всё на свете, все свои самые любимые игрушки, если она, конечно, попросит, но мама не просит.

— Мама! — снова став мальчиком Ваней, заговорил вдруг я, не отрывая взгляда от мохнатого создания. — А это шмель, да? А он кусается? А чем он полезен? А почему у него шерсть, и кто её раскрасил? А как та-

кой толстый с такими маленькими крылышками летает? А что он ест? А можно я его буду звать Жужжиком? А, мам?

— Ты — как всегда! Сразу сто вопросов задаёшь, я ж не успеваю так быстро отвечать, — она, улыбнувшись, посмотрела мне в глаза, потом перевела взгляд на шмеля. — Честно признаться, я и сама в догадках мучаюсь, как это он себя, такого грузного, поднимает? Без папы, думаю, нам не разобраться. Давай спросим, когда он вернётся с работы, а, сынок? — мама нежно обвила руками мою голову, прижав к себе.

Шмель в диалог не вмешивался. Он в это время решил сделать небольшую передышку. Он вытянул вперёд свои мохнатые чёрные лапки, потёр их перед собой, будто собирался вкусно поесть, но дело в том, что вся его привычная еда была там, за окном и до неё ещё нужно добраться! А за время заточения Жужжик мог серьёзно проголодаться. Поэтому передышка была очень и очень кстати.

А день выдался такой яркий и красочный, за окошком происходило столько всего интересного! Три минуты назад, например, мимо

пролетел пчелиный рой. Два голубя ворковали, сидя на карнизе окна этажом ниже. Гусеница нашла укрытие в коре старого дерева. Братья-шмели летали, жужжа возле душистых цветов.

— Иван Батькович, как жизнь молодая? — по-молодецки прогудел папа, заходя в комнату.

— Папка пришёл! — я с радостным криком бросился к нему на шею. — Мы тут с мамой шмеля нашли — жи-во-го! — последнее слово я произнёс торжественно и загадочно.

— Что, серьёзно, живого шмеля? — удивился папка. — А мне покажете? Я тоже живого хочу увидеть, да ещё в квартире. Веди, показывай, где ваша находка! — папа со мной на руках прошёл через комнату к окну.

— У-у-у, какой жирный! Повезло вам с мамой — такой редкий экземпляр откопать, — папа совсем близко наклонился к шмелю и внимательно стал разглядыв-

вать. — Слушай, а он, случайно не африканский? Такие крупные и с таким именно окрасом там водятся. Кажется, если не ошибаюсь, это самый настоящий *Bombus ruderatus*, так на латинском языке звучит название. Удивительно, каким ветром его к нам занесло? Может, у них миграция? — папа старался голос сделать серьёзным и своим словам придать учёную важность, а глаза его почему-то улыбались. — Надо бы его под микроскопом рассмотреть — детально! Как считаете, коллеги?

При слове «детально» я сразу вспомнил про свой конструктор и про то, как папа меня ругает, что мелкие детали по всей комнате вечно разбросаны.

— Папа, не надо детально! Он же живой! — испуганно закричал я.

— Это только так говорится! — успокоил меня отец.

А шмель, видимо почувствовав неладное, сразу куда-то засобирался, засуетился, не желая оставаться на месте ни секунды дольше.

— Пап, мы с мамой вот тут думали, а как

он летать может с такими крылышками? — я продолжал смотреть на удирающего шмеля.

— Да, сынок, вы с мамой правильно задумались над этим вопросом. Полёт шмеля или по-научному Бамбуса — это загадка для науки. Вот самолёт с такими же пропорциями, как у шмеля, никогда бы в жизни не взлетел. Есть разные мнения на это счёт. Например, некоторые учёные доказали, что шмелиные крылья очень гибкие, эластичные. Этими крыльями Бамбус делает до трёхсот взмахов в секунду, от этого создаются воздушные завихрения, которые и поднимают земляную пчелу.

— Какую ещё земляную пчелу? — не понял я.

— Так, Ваня, учёные называют шмелей.

— Пап, а что, если он будет жить у меня? — я продолжал смотреть на удирающего шмеля. — Я ему и имя придумал — Жужжик.

— А что ты с ним будешь делать? Это ведь свободолюбивое создание, и я не думаю, что ему захочется остаться в нашей квартире навсегда. Ты как думаешь, Наташа? — папа обернулся к скромно стоящей за нашими

мужскими спинами маме.

— Я считаю, — сказала мама, — что, если бы ему у нас нравилось, он бы не стреми-

лся так усердно выбраться наружу, а стал бы обследовать обстановку нашей комнаты и искать чем-нибудь угоститься.

Мама была права.

— А что он ест? Может, накормим гостя? — обрадовался я.

— Давай лучше ты отнесёшь его на улицу, — предложил папа, — посадишь его на цветок. Природа — его дом, и там его стихия. А на улице такая погодка чудная — не поверите! Иди, сынок, обувайся, а я сейчас его вот в этот спичечный коробок посажу, — папа высыпал на подоконник спички из коробка и ловко поймал им шмеля, будто проделывал это сто раз.

— Вот, держи! — отец протянул мне жужжащую коробочку. — Только обязательно выпусти, воздуха ему здесь хватает, но без еды и питья шмелю долго не протянуть. Помни об этом, сын! Это живое существо и тоже может страдать и даже умереть!

Через секунду я уже бежал по ступеням вниз, неся перед собой коробочку.

Это была почти волшебная коробочка, потому что она издавала звуки и даже немного двигалась на ладони, смешно щекотала.

— Помню, мечтал стать космонавтом, а все космонавты — это военные лётчики. Значит, хотел.

Я бежал и мечтал, чтобы кто-нибудь из ребят сейчас гулял на улице и увидел моего нового питомца. Но во дворе, кроме Люськи, которая, как всегда прыгала через скакалку, никого не было.

Я сел на скамейку и, не обращая никакого внимания на прыгающую соседку, приложив коробочку к уху, стал слушать шмелиное шуршание.

— Что там у тебя? — спросила Люська. Она, не останавливаясь, припрыгала ко мне. Моя соседка никогда не расставалась со своей любимой скакалкой. Наверное, она даже обедала на скаку! Интересно, вот мы в школу в сентябре пойдём, она и уроки делать будет так же — вприпрыжку?! Почему девчонки во всем мире любят прыгать на скакалках?

— Дай и мне послушать. Что там? — Люська от любопытства даже прыгать пере-

стала.

— Бамбус рудератус! — с гордостью сказал я, поднимая торжественно руку с коробком над своей головой.

— Это что ещё за зверь?! — удивилась Люська.

— Шмель, а не зверь. И у него имя есть — Жужжик.

— Ой, как интересно! Дай посмотреть! А где ты его взял? — затараторила Люська, пытаясь выхватить у меня коробок.

— Не могу показать, — я прижал ценную коробочку к своей груди. — Вдруг выскочит?! Где я второго такого найду?

Люська, наверное, обиделась, потому что сразу заважничала:

— А я знаю, чем нужно кормить шмеля, чтобы он делал мёд! Вот!

— Взаправду — мёд?

— Ну, только если шмель у тебя настоящий, а не засушенный!

— Сама ты засушенная! Шмель самый настоящий! Живой! — заступился я за друга. — Может, даже из самой Африки прилетел! Знаешь, как это далеко? Его попутный ветер

принёс прямо ко мне в комнату!..

— Правда из Африки?! — Люська ладошками закрыла открывшийся от удивления рот.

— Ну ладно, загляни, только одним глазком, — снисходительно разрешил я.

Я немного приоткрыл коробок. Шмель тут же показал свою мохнатую мордочку, но пролезть целиком в маленькую щёлочку он не мог. Только усы шевелились.

— Видишь, какая мордочка? Папа сказал, что редкий экземпляр. Теперь давай свой секрет! — я осторожно закрыл коробок и посмотрел с требовательным видом на Люську.

— Ладно, так и быть, скажу. А шмель у тебя и вправду хороший, много мёда принесёт! — одобрила Люся. — А секрет простой — сахаром его корми, да водичкой пои — и будет мёд!

— И всё?!

— А что тебе ещё надо? На рынке мёд знаешь какой дорогущий? А у тебя за так будет! И главное — сладко! А может, ты мне его подаришь, или давай меняться? Могу дать на скакалке попрыгать. Идёт?

— Ещё чего! Хочешь, чтобы он тебе мёд давал? Хитренькая какая.

— Ну, и не надо, видели мы таких! — передразнила Люська и заскакала по своим девчоночьим делам.

«Мне же надо его на волю выпустить! — вспомнил тут я папин наказ. — А ведь здорово было бы, если бы мы со шмелём накормили родителей домашним мёдом! Собственного приготовления! А надо-то всего-навсего немного сахара и водички». Я погрузился в мечты, медленно прохаживаясь по двору...

Во дворе общежития было очень зелено. Росло много разных деревьев: два тополя, три белых берёзы, одна рябина и одна яблоня, на которой росли дикие яблоки. Яблоки мы часто таскали потихоньку и ели, пока родители не видели. Бегая по двору, сильно расшумимся, разыграемся, а мамы нам и говорят:

— Хватит скакать, как дикари!

— А мы-то тут при чём, — думаем мы, — это во всём дикие яблоки виноваты!

Ещё растут кусты, в которых у нас штаб,

и цветочные клумбы с табличкой — «ХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ! ШТРАФ!» Кто такой Штраф, никто из нас не знает, поэтому считаем, что нас эта надпись не касается. Все, кто попадал во двор семейного общежития, как сговорившись, восклицали: «Как у вас красиво, как в оранжерее!»

Прогуливаясь, я представлял, как обрадуются папа с мамой, узнав, что сегодня или, на крайний случай, завтра, у нас к столу будут медовые пряники или даже торт «Медовик». Да мёд можно и просто так вприкуску есть, запивая горячим чаем. А мама тут скажет: «Надо отложить мёд на случай, если кто заболит. Это очень хорошее лекарственное средство от простуды!» — при этих мыслях меня аж подбросило от удовольствия!

Тут я остановился возле большого цветущего куста, от которого исходил сильный цветочный аромат. Вокруг красного лепестка суетился, жужжа, полосатый шмель. «Когда он успел ускользнуть?» — я испуганно выдернул коробок из кармана, приложил его к уху и, затаив дыхание, прислушался. В коробочке слышалось знакомое шуршание.

«Значит, у цветка не мой шмель, а, наверное, какой-нибудь его родственник!» Я внимательно присмотрелся к новенькому. «Своего» уже достаточно изучил, каждую полосочку помнил наизусть. Но как же новый шмель был похож на Жужжика! И голова, и усы, и даже размер полосок — всё совпадало! «Это же его родной брат-близнец!» — догадался я. Сердце забилося в груди. «У меня ведь тоже есть родной братик. Если бы он вдруг потерялся, я даже не знаю, как бы мне стало плохо! Братья должны быть вместе!» — я решительно, но очень бережно открыл крышку коробка.

— Лети, Жужжик, ты свободен! — прошептал я, близко наклонившись к шмелю.

Шмель немного посидел ещё на дне раскрытой спичечной коробочки, не веря своему счастью, а потом молниеносно взмыл в небо. Я смотрел, как шмель с жужжанием поднимался в самую высь, делал там кульбит и резко опускался вниз почти до самой земли, потом снова взмывал вверх. Он носился взад и вперёд без устали, будто его крылья давно ждали работы. Вдруг шмель резко по-

вернул в мою сторону и пролетел близко-близко над самой моей головой, будто благодарил за освобождение. Я с восторженным сердцем смотрел ему вслед и думал: «Шмель, как человек, радуется свободе! И зачем мне мёд, когда и без него хорошо? На воле шмель больше пользы принесёт! А в тесной коробке жить даже с сахаром несладко будет любому. Папа прав: все живые существа — свободолюбивые!»

ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

Мы играли во дворе. Вдруг Люська бросила догонять Димку, встала, как вкопанная, и сказала:

— А давайте в новую игру поиграем?!

Мы тут же окружили её.

— А что за игра такая? — ковыряя в носу, прогудел пятилетний Витёк.

— Это очень интересная игра. Мне про неё старшая сестра недавно рассказала, — увлечённо начала говорить Люська, отбрасывая

свои тощие косички за спину. Было видно, что ей нравится быть в центре внимания. Недаром — девчонка.

— Ну, — поторопил я её. — Не тяни резину!

— В эту игру интереснее играть, когда много игроков.

— Прятки что ли? — ухмыльнулся Димка. — Отстань ты со своими прятками. Нашёл новую игру, — отмахнулась недовольно Люська и продолжила. — Нас семеро — это очень хорошо. Нам всем нужно сесть в рядок.

— Куда сесть? В горшок? — Димка прыснул со смеху.

— Да не в горшок, Димка, а в совок! — поправил я друга и тоже рассмеялся. Люська покраснела, но тут за неё заступилась Валентина, девочка в больших, круглых очках. Она с серьёзным профессорским видом спросила:

— Вы, друзья, уши случайно не компотом моете?

— Почему это компотом?! — хором переспросили мы и уставились на Валентину.

— Потому что ягоды в ушах застревают и слышать мешают! — тут серьёзный вид у Валентины куда-то мигом улетучился, и она звонко расхохоталась. Остальные ребята тоже стали смеяться, показывая друг другу, как мы с Димкой по утрам уши компотом моем, а потом друг друга не слышим. Ходим, как в лесу и аукаем. Особенно Архип старался всех смешнее изображать одного из нас. Он прикладывал раскрытые ладони к уху, крутил их, как бы настраивая волну у радиоприёмника и морщился от глухоты. Тоня, Люська, Валентина и пятилетний Витёк заливались смехом. Красивый смех у Тони, но разве она не понимает, что мне обидно! Я от досады и злости тут же захотел уйти куда глаза глядят, но Димка спокойно сложил руки на груди, и стало понятно, что он никуда не собирается уходить вовсе. Я тоже остался. Поднял с земли свой велосипед, проверил, не спустило ли колесо. Тем временем все ребята уже направились к скамейке. Мы с Димкой подкатили чуть позже на великах. Люська верховодила.

— Так, Валентина, ты садись вот сюда. Витя

сядет рядышком, Тоня — следующая, потом Архип. Тут она посмотрела на нас:

— А вы будете с нами играть в «Испорченный телефон»?

— Давай, поглядим, что за телефон у вас, — с недоверием в голосе пробурчал Димка.

— Тогда, Дима, ты садись рядом с Архипом. А ты, Ваня, будешь играть?

— Чего спрашиваешь? Видишь, тут я, — прикрикнул я на неё.

Прислонив велики к старой липе, мы сели на лавочку.

— Надо выбрать ведущего, — продолжала командовать Люська. — Давайте считалочкой. Ваня, считай.

— Аты-баты шли солдаты, Аты-баты на базар. Аты-баты что купили? Аты-баты самовар. Аты-баты сколько стоит? Аты-баты три рубля. Аты-баты кто выходит? Аты-баты это я, — протараторил я свою любимую считалочку и мой палец остановился на Архипе.

— Архип, тебе водить. Выходи вперёд, придумай слово, и шепни его на ушко Валентине, — скомандовала Люська и села

на его место.

Архип, мальчишка-первоклашка, сложил смешно ладошки возле уха Валентины и что-то ей шепнул. Мы с Димкой удивлённо посмотрели друг на друга.

— Архип, ты там не охрип? — спросил с возмущением Димка. — Чего шепчешься?

— Ничего здесь не слышно! — поддакнул я.

— И не должно быть слышно! Эту игру и я знаю! Моя мама в детстве в неё играла, только она у них называлась «Глухие телефончики» — вступила Тоня.

— Так тем более объясните нам по-человечески про эти ваши глухие телефончики! Что вам, жалко что ли? — стали возмущаться мы.

— Ладно, так и быть, — согласилась Люська, откидывая свои две худые косички за спину. — Ещё раз расскажу правила игры, и другим полезно будет послушать. Как моя мама всегда говорит: «Повторенье — мать ученья». Она недовольно посмотрела на Тоню.

— Хватит, Люська, умничать! Рассказывай правила игры, — сердито поторопил её Дим-

ка.

Люська, как будто не заметила Димкиной грубости, продолжила:

— Условия игры такие: ведущий придумывает слово и тихонько говорит его первому участнику, то есть Валентине. Валя пересказывает слово своему соседу.

— Дяде Толе? — удивился тут я вслух.

— При чём тут дядя Толя? — Люська сердито уставилась на меня, уперев руки в пояс, как это делают вредные старухи.

— Так он Валентине сосед! — с невозмутимым видом ответил я.

— Ну и что, что сосед?!

— Так ты только что сказала, что Валентина пересказывает слово своему соседу. А сосед её, как известно, дядя Толя из семнадцатой квартиры!

— Ванька, ты нарочно, издеваешься и мешаешь играть!?! — лицо у Люськи покраснело, а косички, как мне почудилось, стали похожи на рога разъярённой козы.

— А что я? Ты сама неправильно объясняешь! — я подмигнул Димке, но он не отреагировал.

— Одним словом, — уже повышенным голосом продолжила Люська, — когда последний игрок услышит слово...

— Оно в его жизни будет последним! — жалобно пропел я, как на похоронах, не дав Люське договорить, за что получил от неё тут же сильный шлепок по затылку.

— Твоё счастье, что я с девчонками не дерусь, — пробормотал я, почёсывая затылок.

— Ванька, прекрати! Всем играть мешаешь! — загалдели остальные ребята.

— Ванёк, давай разок сыграем. Может, и ничего игра?! — попросил меня Димка.

— Ладно, сдаюсь! — я поднял руки вверх, показывая, что сдаюсь. — Играем. А что последний игрок делает, ведь я последний? — тут же поинтересовался я.

— А последний игрок должен выкрикнуть слово, которое услышит. Ясно? — Люська, как оса впиалась своими зелёными глазами в меня.

— Ясно, крикну. Смотрите, не оглохните! У вас же ягод в ушах нет! — я никак не мог забыть недавний обидный смех.

Архип снова шепнул на ушко Валентине,

старательно закрывая ладошками губы, наверное, чтоб никто не догадался, что за слово он придумал. Валентина шепнула Витьке на ухо, тот Тоне, а Тоня — Люське, Люська — Димке. Я подставил ухо.

— Лопата, — прошептал Димка и я сразу же, набрав побольше воздуха в лёгкие, бойко выкрикнул:

— Лопата!

Тут Архип вдруг как схватит себя за живот да как захохочет, широко-прешироко открыв рот:

— Лопата! Ха-ха-ха. А я-то загадал «самокат», а получилась какая-то дурацкая «лопата»! Представляю, как Ванька на лопате будет по двору кататься! Ой, не могу...

Ребята тоже засмеялись.

— Теперь моя очередь загадывать, — заявил я. — Архип, хватить гоготать, садись живо на моё место, а то... лопатой тресну!

Этот вредный Архип так меня рассердил, что я ну никак не мог сосредоточиться и придумать нормальное слово.

Тут затараторила Люська, крутя головой по сторонам:

— Вот такой «Испорченный телефон»!
Правда интересная игра?

Все кивнули, а я тут же придумал подходящее слово. Я приблизился к уху Валентины и прошептал тихо-тихо:

— Те-ле-фон.

Валентина кивнула: мол, поняла, и, повернувшись к Витьке, шепнула ему.

Наконец очередь дошла до Архипа. Тот вскочил со своего места и крикнул чуть не на весь двор:

— Патефон!

— А я-то загадал «телефон»! — с улыбкой сказал я и добавил:

— Представляю, как наш Архип, когда ему позвонят, будет отвечать: «Слушаю вас! Я у патефона!» А оттуда: «Миллион, миллион, миллион алых роз. Из окна, из окна, из окна видишь ты».

Тут все засмеялись, а Архип надул щёки и ушёл домой.

— Наверное, старшего брата звать пошёл, — предположил Димка.

— Ванька, догони его, — спохватилась Люська.

— Да видел я его брата! Напугали. И что я виноват, что игра такая? — отбрыкнулся я.

— И вправду не виноват, — вступилась за меня Тоня. — Это ведь «Глухие телефончики», то есть «Испорченный телефон»!

Тоня, прикусив губу, посмотрела на Люську.

— И всё равно, смеяться не надо было, — сочувственно сказала Валентина.

— А надо мной так смеяться можно всяким Архипам?! — возмутился я.

— Но он же ещё маленький! — проговорила, как бы оправдываясь, Люська.

Тут слово взял Димка:

— Вот Витёк маленький, это я понимаю! А Архип просто гордый! И вообще, игра для смеха и придумана! Давайте, ребята, играть дальше. А на обиженных, как всем известно, воду носят! — Димка сложил руки на груди и немного стесняясь посмотрел на нас.

— Может, Архип тогда из дома воды попить нам принесёт...? — вслух негромко предположил пятилетний Витёк.

Тут мы все дружно рассмеялись. И всё же красивый смех у Тони и нисколечки не обидный.

СОЧИНЕНИЕ ПРО МАМУ

Я промочил ноги. Как всегда, мерил лужи. Ведь интересно же!

— Опять?! Ну, что за грязнуля?! Не сын, а поросёнок какой-то! — ругалась, всплёскивая руками, мама, увидев мокрые носки, шлёпавшие по полу. — Не хватало ещё забо-

леть ангиной! Вот чего тебе не хватает на сухой площадке? А ну, снимай живо мокрые носки и марш в угол! — скомандовала она. — И стой там, пока не поумнеешь! Жалко, отец в командировке, он бы тебе задал! И больше никаких прогулок! — пригрозила мама.

Я опустил низко голову, встал в угол. «Вот так ты, мама, да? Ну, ничего!» — думал я про себя. «А я вот теперь не стану ходить в булочную за хлебом, и не проси, раз я поросёнок! И посуду мыть не буду за собой! И разговаривать не буду! Поросята не говорят человеческим голосом!» А ведь я пришёл домой с победой: из дворовых ребят я дальше всех зашёл в самую глубокую лужу во дворе. А для этого нужны не только хорошие резиновые сапоги, но и сноровка. Чтоб вода сразу не захлестнула в сапог грязной жижей, нужно медленно входить в неё всё глубже и глубже. Ты видишь, как к кромке сапога постепенно поднимается тёмная вода, очерчивая резину мокрым следом, и вот тогда начинаешь по сантиметру передвигать ноги, нащупывая неизведанное дно. Витька-торопыга — тот сразу зачерпнул полный сапог

и убежал домой. Катька сказала, что у неё не болотные сапоги, а резиновые сапожки, и соревноваться отказалась. Остались самые сильные соперники: Димка, Жорик и я.

У Димки и Жорика сапоги что надо, голенища почти до колен достают и я им в этом проигрывал, но ведь ещё важен опыт! В итоге я победил, выиграв у Жорика три сантиметра. Победителя надо качать на руках, вручать цветы и дарить конфеты, а тут с порога крики, ругань и самое обидное: «в угол»! Где справедливость?!

— Ты осознал своё поведение? — спросила через некоторое время мама. — Чего молчишь? Воды в рот набрал?

Я молчал, не поднимая головы.

— Ну стой ещё, думай. Как надумаешь, выйдешь, — сказала мама и ушла на кухню.

Прошло ещё сколько-то времени.

— Ванечка, давай уже выходи из угла, я больше не сержусь! — мама попыталась погладить меня, но я мотнул головой, как лев гривой, уворачиваясь от маминой руки. — Сынок, я волнуюсь за тебя. Сейчас ранняя весна, и очень легко простудиться. И ведь это уже не в первый раз. Вспомни, например, вчерашний день. Вчера ты с ног до головы пришёл грязный и мокрый. Сегодня снова такая же картина! Это мне надо дуться на тебя, ведь я твои вещи стираю и сушу. А лечить кто тебя будет? Иди сейчас ужинать и ложись спать.

На ужин мама приготовила куриные котлеты с макаронами. Моя самая любимая еда. Я поел без всякого аппетита и лёг в постель. Долго лежал не шевелясь, пытаюсь заснуть, но сон будто вредничал и не хотел приходить. Мама тоже молчала в своей комнате и только изредка тяжело вздыхала.

Утром я не сказал маме «Здравствуй»,

не поцеловал её, как обычно, в щёчку и даже ни разу ей не улыбнулся. После школы сразу сел за уроки, потом полистал книжку, погладил котёнка, поужинав, впервые сказал маме: «Спасибо» — и сразу ушёл в свою комнату.

На следующий день всех мам и бабушек пригласили в школу на празднование 8 Марта. После торжественной части и вручения цветов в актовом зале, где был приготовлен ребятами небольшой концерт, все родители разошлись по классам.

— Дорогие мамы, — сказала Вера Михайловна, наш классный руководитель, — в предзнаменование международного женского дня мы классом вчера писали сочинение на тему «Моя мама». Сейчас я прочитаю вам выдержки из нескольких таких сочинений.

Мамы приготовились очень внимательно слушать. Интересно, что написали их дети.

— Вот сочинение Горбуновой Светы, — продолжила Вера Михайловна. — «Моя мама очень хорошая. Вкусно готовит и всегда делает со мной уроки. А ещё она научила ме-

ня вышивать на пяльцах». А вот сочинение Куликова Ромы: «У моей мамы самые кудрявые волосы на свете! Ещё она любит аквариумных рыбок и мороженое. Я желаю ей крепкого здоровья!» А это Лера Курочкина написала: «Моя мама замечательная! Нас, детей, у неё трое. Когда я вырасту, я тоже буду, как мама — мамой! Я очень хочу быть на неё похожей!» А вот ещё одно сочинение, посвятил его своей маме Ваня Коркин.

Тут мама очень напряглась и посерьёзнулась.

Вера Михайловна посмотрела на маму и специально для неё зачитала строчки из сочинения: «Моя мама самая добрая и справедливая на свете, ещё она самая ласковая и самая заботливая! Я очень её люблю и поздравляю с женским днём!»

Домой мама шла с цветами и счастливыми слезами на глазах.

СТЕКЛОДУВЫ

Мы с Димкой решили, что сразу после школы станем стеклодувами. Пока что мы ходим только в первый класс, но решение наше твёрдое! Ведь это просто удивительная профессия.

На прошлой неделе наш первый «в» ездил на экскурсию на фабрику игрушек. Экскурсия была увлекательная и необычная. Мы узнали, как изготавливаются игрушки и какие интересные люди там работают. Половине наших девчонок очень понравился цех мягких игрушек: мишки, мартышки, зайчики, всякие плюшевые зверушки. А другая половина в восторге от цеха по производству кукол и пластмассовых пупсиков. Нас завели в просторную шумную комнату. Сперва нам показалось, что это настоящая «комната страха».

— Ваня, смотри, что там?! — прошептала испуганно Иринка Кондратьева, схватив меня крепко за рукав. Я посмотрел в сторону, куда смотрела она.

Стоит перед нами огромная корзина с лысыми кукольными головами с пустыми глазницами вместо глаз, а рядом с ней такие же коробка с туловищами, руками и ногами. Жутко. Потом, конечно, мы узнали, что это детали будущей куклы и они собираются специальными рабочими. Затем по чёрной ленте, называемой транспортёр, будущие куклы едут дальше, где им вставляется в спину механизм, который при наклоне говорит детским голосом: «мама». Есть в этом кукольном цеху машинки, которые пришивают куклам волосы, а потом тётеньки ловко вставляют кукольные стеклянные глаза с длинными ресницами. И вот, в конце процесса сборки, на чёрной резиновой ленте, выезжают, упакованные в красивые прозрачные коробки, готовые, нарядные куклы. И глазами они умеют моргать, и «мама» говорить. У девчонок — восторг! А чего так восторгаться? Вот цех стеклянных игрушек — вот это дело! Вот где настоящая красота и сила.

Мы вошли в помещение, а там кругом огни, искры, всё дышит и бурлит, переливает-

ся разными красками. Шумно и очень жарко. Тётенька экскурсовод так и сказала, что это горячий цех. я вот раньше думал, что стекло только твёрдым бывает, а оказывается, если его правильно разогреть, то оно будет тянуться, как сгущённое молоко или мёд, и тогда лепи из него, что хочешь. В этом цеху в основном работают мужчины. Нам рассказали, что у стеклодува, (так называется профессия), должны быть сильные лёгкие. У стеклодувов в руках длинные тонкие металлические трубки, на кончик которых они намазывают растопленное стекло и потом, приложив другой конец трубки к губам, начинают сильно дуть и одновременно крутить трубку, то в одну сторону, то в другую. Вот тут действительно поверишь, что есть на свете волшебники. Из непонятной бесформенной цветной жижи появляются шарики, вазы, птицы и другие красивые вещи. Они просто — выдуваются. Всё лишнее потом, можно запросто отрезать ножом или специальными щипцами.

— Димка, — шепнул я на ухо другу. — Надо будет попробовать.

— Чего попробовать? — не понял Димка.

— Стекло дуть! Непонятливая твоя башка.

— А как? — спросил он.

— Давай попросим у этого дяди, — предложил я, кивая головой в сторону дяденьки в кожаном фартуке и очках.

— Спрашивай сам, — как-то по-мышинному пропищал Димка.

«Ну и спрошу», — подумал я с обидой. «Мне, может, тоже боязно! Но уж очень хочется научиться выдувать из стекла всякие диковинные штуки». Я представил, как придёт, например, мама вечером домой, а на столе ваза для цветов стоит.

— Откуда у нас эта чудесная ваза взялась? — всплеснёт восторженно руками мама. А папа сразу сбегает в цветочный киоск и принесёт букет роз или тюльпанов. И в комнате сразу запахнет праздником.

А можно бабушке подарок сделать. Она любит разные колокольчики. А ещё хорошо бы всяких шариков для рождественской ёлки наделать. Нам показали, как они изготавливаются: берут простой цветной шарик, уже остывший. Эта работа больше девчон-

кам подойдёт, так как нужно бережно брать хрупкие шарики и обмазывать их, разбитыми в порошок стеклышками, потом разные узоры наносить. Получается очень красиво! Будто бы снег или иней застыл и не тает, искрится, блестит. Но мне больше по душе работа в горячем цеху. Надену я кожаный фартук, растоплю плавильную печь, набросаю всякого стекла в специальную ёмкость. Когда стекло растопится, возьму длинную трубку и, захватив немного стекла, начну дуть. Хорошо дуть я научился ещё в прошлом году, когда ходил в подготовительную группу детского сада. Мы с другими мальчишками наперегонки надували шарики к утреннику. Я быстрее всех надувал. Один раз даже так накачал воздухом шарик, что он не выдержал и лопнул. Вот какие у меня лёгкие! У Димки тоже хорошие лёгкие, но у него голова часто кружится. Я подумал: «Димке надо дать работу полегче. Он будет специальными мехами огонь в печи раздувать, как в кузнице».

Наконец я всё же набрался храбрости и подошёл к стеклодуву.

— Дяденька, а можно я попробую подуть?

Мастер очень удивлённо посмотрел на меня.

— Много тут вас ходит, но ты первый, кто попросил подуть! Подожди немного, — попросил он. Я остался на месте, стоял и смотрел на красно-жёлтый пламень в отверстии плавильной печи.

— Ладно, дам разок подуть, — сказал стеклодув. — Учительница твоя не против. Смотри, тут главное дуть нужно ровно и при этом плавно вращать трубку. Надень вот рукавицы и очки. Техника безопасности прежде всего! — строго сказал он, одевая на мои руки большущие рукавицы, которые мне доходили почти до локтя. Я подумал, какая тут может быть опасность, когда стекло такое послушное?!

Стеклодув достал из плавильной печи трубкой небольшой кусочек стеклянной массы, придерживая трубку, другой конец протянул мне.

— Дуй, — скомандовал он.

Я, что было сил, начал дуть и одновременно смотреть на другой конец, где краснела огненная масса.

Дул, как мне показалось, целую минуту

или две. Животик чуть не развязался. В итоге смог выдуть всего лишь крохотный пузырик, чуть больше ногтя. — Вот так лёгкие надо иметь! — задумался я, а стеклодув меня похвалил:

— Я бы такого смельчака взял себе в ученики, вот только сначала тебе надо подрасти.

— А Димку возьмёте?

— Друг твой?

— Ага.

— Почему не взять? Если будете следить за своим здоровьем, тренировать лёгкие, если любите красоту и не боитесь труда, то, как закончите школу, возьму вас в подмастерья. Научу всему, что умею сам.

— Спасибо, — поблагодарил я стеклодува.

Как на крыльях подлетел я к Димке:

— Димка, ты видел, как я в трубку дул?

— Видел, конечно, как ты пыжился.

И много ты надул? — рассмеялся он.

— Над другом смеёшься? — обиделся я. — Думаешь, так просто дуть? Сам бы попробовал — так нет, струсил. А я насчёт тебя договорился с мастером! Он берёт нас двоих

в подмастерья!

— Класс! А когда?

— После школы!

— После последнего урока что ли? — обрадовался было Димка.

— После последнего звонка!

— Эх, долго ждать, — с досадой сказал он.

— Ничего, Димка, время терять даром не станем. Будем тренироваться, лёгкие развивать.

— Ванька, я с тобой согласен и прости меня дурака, пожалуйста! — Димка протянул вперёд раскрытую ладонь.

— Проехали, — сказал я, с силой сжимая дружескую руку.

Тут учительница стала пересчитывать нас, экскурсия заканчивалась. Надо к обеду в школу вернуться.

На прощание экскурсовод сказала:

— Приходите, ребята, к нам на фабрику работать, когда вырастете. Создавать игрушки — интересная, увлекательная и полезная работа.

— А какая польза от игрушек? — спросила тут Фантикова Лидка и хихикнула.

Тётя экскурсовод добрым взглядом посмотрела на нас.

— Игрушки дарят радость, учат бережливости и дружбе. Да много ещё какой пользы от игрушек, — ответила она и добавила. — Игрушки и нас, взрослых, делают добрее. Разве этого мало?

В общем, мы с Димкой твёрдо решили стать после школы стеклодувами, чтоб дарить людям радость. Это просто удивительная профессия.

УКОЛ ОТ СТОЛБНЯКА

Вот вы как думаете: ходить по забору — это безопасно? А у нас во дворе Олежка недавно гвоздём в заборе себе ногу располрол, и у него текла кровь. Мы все ждали, когда Олег заплачет, а он и не думал. Он только зажал рану ладошкой и быстро побежал, прихрамывая, домой. Ему даже швы накладывали в травмпункте, аж три штуки. Он нам сам показывал, когда мы с Димкой при-

шли к нему после школы.

— Шрамы украшают мужчину, — сказал Олежкин папа, подмигнув нам троим. Мы с Димкой очень завидовали Олежке, и тут я не выдержал, и сказал:

— Да мы ещё и не такие шрамы заработаем. Подумаешь, три шва! Я вот месяц с гипсом на руке ходил — и ничего.

— А я ангиной болел полчетверти, и ко мне учительница домой приходила заниматься! — добавил Димка.

— А укол от столбняка вам ставили?! — Олежка посмотрел на нас свысока.

— Это что ещё за укол такой? — удивились мы.

— Сы-ро-вотка, вроде по-научному называется, — сказал Олежка, не скрывая своего превосходства.

— Из сыра, что-ли? — хихикнул Димка.

— А сыр, Олежка, «Костромской» или плавленый «Дружба»? — пошутил я.

— Мне больше «Голландский» нравится, — подхватил мою шутку Димка.

Олежка сверкнул на нас глазищами.

Я понял, что Олежке не нравится этот

разговор, а он мой друг, и поэтому сказал:

— Вот придумают учёные всякие заковыристые названия, а ты мучайся, разгадывай! Может, это и не сЫр-овотка вовсе никакая, а, вообще, сНЫ-кроватька?! А что, укольчик — бац! И сразу в кроватьку сны смотреть. Сон он ведь тоже лекарство!

Тут в комнату ворвалась, как вихрь, Катя Олежкина младшая сестрёнка, а за ней зашли Костик-третьеклассник и Лёшка Панцырев из нашего 1«в».

— Привет, раненый боец! — поприветствовал Олежку Костик. — Я тут тебе новый журнал «Весёлые картинки» принёс, почитаешь.

Он протянул Олегу свёрнутую разноцветную трубочку.

— Олежка, а покажи шрам, — полушёпотом попросил Лёшка.

Увидев три аккуратненьких шва, помазанных жирным слоем зелёнки, Лёшка, изображая на своём лице страдание, спросил:

— Болит? Щиплет?

— Терпимо, — как истинный раненый, ответил Олежка.

— О чём без нас толкуете? — поинтересовался Костик.

— Да Олежке укол странный поставили, — стал объяснять Димка.

— Какой ещё укол?

— Да какая-то шиворот-навыворотка заковыристая, — пояснил я.

— Ага, и ещё она либо очень сырая или из сыра сделана, — добавил Димка.

— Да не слушайте их, ребята, — возмутился Олежка. — Навыдумывали тут, слушать противно! Мне от столбняка укол сделали и всё! Понятно?

— Я вроде понял, — спокойно сказал Костик. Противостолбнячную сыворотку тебе поставили. Вот.

— А ты откуда знаешь? — спросили мы хором.

— Хм, — усмехнулся Костик. — Да я, к вашему сведению, даже химическую формулу воды знаю!

— Назови, — попросили мы.

— Аш-два-о.

— И это вода?! — удивились мы.

— А как же! Химию мы с мамой изучаем.

Она у меня фармацевт!

— Ого? — сказали мы.

— Я и про укол от столбняка, ну, про сыворотку иначе, от неё узнал.

И тут у нас загорелся нешуточный спор: почему такое название у укола?!

Я говорил, что столбняк — это такая опасная болезнь, при которой человек столбенеет. А Димка, перебивая меня, доказывал, что делают её для того, чтоб человек не стал бешеным. Я ему тут и говорю:

— Что, Олежка без этого укола по-твоему, стал бы лаять, как бешеная собака и кидаться на прохожих?

Тут Олег почему-то очень сердито посмотрел на меня и надул щёки. Заговорил до этого молчавший Лёшка:

— А Димка прав: моему дяде от столбняка укол ставили, когда его бездомная собака искусала. Врачи говорили, что можно даже умереть от укуса, если собака была бешеная.

И тут я им всем выдал:

— Это что, по-вашему, получается, Олежку бешеный гвоздь искусал? Где логика?!

— Я не знаю, — признался Лёшка.

— То-то! А вы говорите, от бешенства. Сказано же прямо — укол от столбняка, чтоб не столбенеть значит.

Олег сидел на диване красный, как помидор и я ему сказал:

— Олешка, теперь ты можешь жить спокойно, столб из тебя не получится. Можешь не бояться.

— А я и не боюсь, с чего ты взял? — буркнул он. — Совсем люди совесть потеряли: пришли друга проведать, а сами ещё издеваются! Столбами обзывают.

И тут Лёшка вдруг как закричит мне прямо в ухо:

— Ты ещё, Ванька, скажи, что укол ставят, чтобы в темноте на столбы не наткаться!

— Или чтоб столбы на голову не падали, — вставил глупую шутку Димка.

— Очень смешно, — передразнил я, показывая Димке и Лёшке язык.

— Не спорьте, ребята, — стал успокаивать нас Костик-третьеклассник. — Помните лучше, где Олег ранение получил?

— Известно где, на заборе, — ответил за всех Лёшка.

— А забор из чего состоит?

— Из досок и толстых палок, — пропищала Катька.

— Не палок, а брёвен, которые в заборе называются как? Правильно, столбы.

— Ну? — нукнул Димка.

— Вот тебе и ну! Укол от СТОЛБняка сде-

лали, чтобы и дальше по забору лазать было безопасно! Ясно вам?!

И тут мы все остолбенели, и даже Олег. И тут зашёл Санька, наш друг.

— Вы чего, как столбы, выстроились? — спросил он. — На стройку возле школы гудрон завезли. Сам видел. Бежим скорее, наберём себе и Олежке, конечно, принесём.

— Ребята, я с вами, — крикнул Олежка и вскочил с кровати.

— Ге-рой, — не скрывая своего восхищения, протянул Лёшка.

Через секунду мы дружно неслись по школьному стадиону на стройку, да так, что только пыль за нами стояла **СТОЛБОМ**.

ЧУДО—ПЕЧКА

Я мчался из школы, как метеор. Летел по улице так, что шапка дважды слетала с головы и один раз чуть шарф не потерял.

— Мальчик! — окликнула меня старушка. — Шарфик потеряешь! Куда так летишь

сломя голову?

— Там у нас дома... — стал спешно объяснять я.

— Пожар что ли? — испугалась старушка.

— Нет, не пожар! — постарался я успокоить пожилую женщину. — У нас дома настоящая чудо-печка! Спасибо за шарф!

— Какая ещё чудо-печка?! — пожалала плечами старушка.

Но я бежал дальше, прижимая к себе школьный ранец, и только ветер шумел в ушах. Я представлял, как зайду сейчас в квартиру, а там Чудо-Печка стоит! Мне даже стало немного жутко. Не каждый день встречаешь чудо!

Вчера мама сказала за ужином:

— Нам совсем не в чем готовить выпечку! А дети так любят всякие пирожки и булочки!

— Хорошо, Наташа, мы ведь с тобой это уже обсуждали, — пробасил папа в усы, не отрывая глаз от газеты, — завтра после работы куплю Чудо-печку. Будет печь нам и пирожки, и булочки, и даже торты!

Я обомлел! Вот так запросто папа купит чудо-печку?! Да такие только в сказках быва-

ют. Неужели их в магазине продают?! Наверное, есть такие волшебные магазины, где всякие скатерти-самобранки и сапоги-скороходы продаются. Но откуда папа знает про них? И как ему продадут эту чудо-печку? Я осторожно спросил:

— Папа, а ты знаешь, чтобы чудо получить, надо разные волшебные задания выполнить?

— Знаю, — спокойно ответил папа, перелистывая газету.

Я ещё больше удивился, ведь давно заметил, что папа совсем не верит в сказки. У меня воображение сразу заработало: папа приходит в волшебный магазин, ему надевают блестящий плащ, дают в руки меч-кладенец и он идёт сражаться с Чудо-Юдом или Кощеем Бессмертным. Папа у меня сильный и выносливый. Вот как-то раз он носил меня на плечах полдня, когда мы ходили смотреть военный парад. Ух, и не поздоровится этим сказочным злодеям! Освободит папа из плена спящую красавицу или Василису-Премудрую, а взамен попросит Чудо-печку.

И завтра она будет у нас дома!

Я от радости захотел захлопать в ладоши, но вовремя себя остановил, чтобы случайно не спугнуть удачу. Ушёл в свою комнату и, улегшись на тахту, предался мечтаниям: «Вот попрошу я печку испечь:

— Печка, а Печка, испеки-ка мне сахарную ватрушку!

А она вдруг скажет:

— С удовольствием! Только скажи волшебное слово.

— М-м-м, а слово-то я и не знаю. Это, наверное, что-то наподобие инструкции, как

к стиральной машине. Надо будет папе напомнить, чтобы не забыл спросить в магазине специальное волшебное слово, когда забирать будет печку домой».

Утром я проснулся сам. Заправил постель и без напоминания умылся, как следует. Дождавшись удобного момента, когда папа был в прихожей и уже собирался уходить, я спросил:

— Папа, ты не забудешь про чудо-печку?

— Как можно? Я ведь обещал! — ответил папа.

— Вот. Тебе в магазине должны сказать волшебное слово, — напомнил я.

— Само собой, — как-то весело сказал папа.

— Ты его не забудь, ладно? Это важно!

— Хорошо, сынок, не забуду! — папа погладил меня по голове и ушёл.

В школе я позвал Димку на серьёзный разговор без свидетелей. Мы зашли под лестничный марш на первом этаже.

— Димка, ты тайны хранить умеешь? — спросил я друга.

— Ты же знаешь, я могила! — Димка тор-

жественно приложил ладонь к груди.

— Смотри, дело связано с чудесами!

— Да ну? — удивился он.

— Помнишь сказку «Гуси-лебеди»? Там ещё печка была и прятала внутри себя братика с сестрицей от злых гусей?

— Помню, — ответил он.

— Сегодня эта печка будет у нас дома! — воскликнул я.

— А не врёшь?!

— Сам увидишь! Вечером приходи. Угощу тебя на славу!

До конца урока я еле досидел. В раздевалке, снимая пальто, оторвал петельку. Ботинки шнуровать не стал совсем. Кое-как нахлобучил кроличью шапку на голову и бегом домой.

Ещё на лестничной площадке я почувствовал запах яблочного пирога. С волнением прошёл на кухню. Что такое? Никакой печки нет. Стоит на столе огромная блестящая сковорода с такой же блестящей крышкой, а от неё тянется полосатый шнур к розетке.

— Мама, папа, — позвал я родителей, —

а где же Чудо-печка? Вы меня обманули?! — у меня стали наворачиваться слёзы. — Папа, ты же говорил про чудеса вчера и исполнение волшебных заданий.

— Никакого обмана нет, и волшебство тут совсем ни при чём. Всем известно, что для получения результата, надо просто честно работать. Вот вспомни, как ты делаешь дома уроки? Сперва задачка не решается, но стоит приложить старание и внимание, глядишь — задачка решена. Не чудо ли? Я работаю на заводе и на заработанные деньги купил эту печку. А вот сейчас мы будем есть пирог, и это чудо выпекается мамиными руками. А печка просто так называется «Чудо-печка».

— А как же волшебное слово? И его не существует? — я уставился на папу.

— А вот здесь ты совершенно прав. Есть на свете волшебные слова!

Тут раздался звонок в дверь. На пороге стоит Димка.

— Ну, Ванька, показывай чудо-печку. Я специально дома не стал ужинать.

— Проходи, яблочный пирог уже на столе.

Сейчас чай будем пить.

— Здравствуйте, дядя Миша и тетя Наташа, — вежливо поздоровался Димка с моими родителями. — А что, у вас и вправду чудо-печка имеется? — спросил недоверчиво он, озираясь по сторонам.

— Правда, — родители, улыбаясь, посмотрели на меня.

— Димка, вот она, чудо-печка! — указал я на причудливой формы сковородку.

— Похожа на сковороду, — удивлённо пробормотал Димка.

— А по-твоему она на самолёт должна быть похожа? — подколот я.

— Да нет, просто я думал...

— Ты не думай, а садись за стол. Остывает всё.

Мы уселись все за столом. Первый кусок мама положила папе.

— Дима, а тебе какой кусочек положить? — спросила она Димку.

— Как и Ване, — поскромничал тот.

Пирог был изумительно вкусный. Просто чудесный.

— Что, вкусно? — спросил папа, видя, как

мы с жадностью уплетаем пирог.

— Ага! — кивнули мы, с набитыми ртами.

— Пальчики оближешь, — добавил Димка, отхлёбывая из чашки чаю.

— Мама, положи добавки, — попросил я за нас двоих.

— А где волшебное слово? — напомнил тут папа.

— Мама, пожалуйста, положи добавки!

— Ешьте на здоровье! — улыбнулась мама.

После чая мы с Димкой немного поиграли в моей комнате.

— Ну, мне пора домой, — вдруг сказал он.

Провожая друга, я спросил:

— Димка, ты согласен со мной, что моя мама не сравнится ни с какими волшебными Чудо-печками?

— Я уверен, что все мамы на свете не сравнятся ни с чем! — тут Димка серьёзным взглядом посмотрел на меня. — Ну, пока, Ванька, увидимся в школе, — он пожал мне руку и ушёл.

А я подумал про себя, что Димка совершенно прав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Тросовая каша	6
Самый быстрый самолёт	13
Шмель в коробочке	21
Испорченный телефон	36
Сочинение про маму	47
Стеклодувы	53
Укол от столбняка	62
Чудо-печка	69

Протоиерей Леонид Коркодинов

Шмель в коробочке
Сборник рассказов для детей

Иллюстратор Максим Багдасаров
Корректор Элла Радаева